

П. И. БИРЮКОВ

Об анархизме

Реферат, читанный П. И. Бирюковым на митинге
в г. Борнмаут 25 сентября 1901 г.

Идеи анархизма распространяются все более и более. То, что предшествующее нам поколение понимало под словом «социализм» и в чем видело знамя прогресса, то уступило место анархизму. Социализм во всем своем целом разделился на три главные группы: социализм либертарный или анархизм, социализм научно-государственный или собственно социализм и социализм оппортунистический, уже пробравшийся в правительственные сферы и быстро деградирующий, соблазненный и опьяненный властью.

Впереди всех идет анархизм и, как передовой, идет ощупью, спотыкается, падает, пачкается в грязи, обливается потом и кровью, вызывает насмешки, презрение, ненависть и восторги. Высоко перед собой держит знамя свободы и не теряет энергии, потому что главный источник энергии — идеал свободы — находится на *его* пути, и он увлечет за собой народы.

Но и в самом анархизме заметны разветвления. Я буду говорить здесь о двух более заметных группах, разделяющих анархические идеи, об анархизме коммунистическом, революционном, называемом иногда либертарным социализмом, и об анархизме религиозном, христианском или идеалистическом, называемом часто «толстовством».

Я намерен в нескольких словах выразить сравнительную оценку, сходство и различие этих двух доктрин и прошу не ожидать от меня полного, систематического изложения каждой из них; я буду брать только те основные пункты этих учений, в которых я замечаю большое сходство или совпадение, и те пункты, которые характеризуют то или другое различие.

Всякая новая живучая идея возникает из недовольства существующим, как внутренним, так и внешним порядком жизни; это, как говорят математики, необходимое и достаточное условие для возникновения новой идеи. И в этом пункте сходятся, конечно, и обе ветви анархизма.

Но сходство это продолжается и дальше. Эти два учения во многом сходятся и в критике современного состояния общества, как со стороны политической, признавая всякое правительство препятствием к прогрессивному развитию, так и со стороны экономической, признавая в высшей степени несправедливым современное распределение имущества, и особенно — со стороны нравственной, признавая крайне прискорбным современное подавление личности всевозможными дисциплинарными уставами, военными, гражданскими и церковными, и особенно восставая против извращения души человеческой всякого рода так называемыми религиозными учителями и учреждениями.

Сходство в этой критике до такой степени очевидно, что часто представители того и другого учения заимствуют друг у друга лучшие образцы критической литературы.

Итак, точка отправления обоих учений сходна.

Но для развития и распространения этих идей нужно их исповедание, их приложение к жизни. И в этом, к счастью, я замечаю большое сходство между представителями обоих учений.

Искрение последователи, как того, так и другого анархизма, осуждая и отрицая два главных элемента современного зла — насилие и ложь, ставят своей задачей исключение их из их собственной жизни.

И в области политических и гражданских отношений, они отказываются от всякого участия в правительственных и государственных организациях, хотя бы и социалистических, и, конечно, не идут в солдаты и не прибегают к юридическим и полицейским учреждениям для защиты себя и своего имущества.

В области экономической такой человек, во-первых, прекращает накопление капитала, как орудия насилия, старается о возможно справедливом и разумном употреблении случайно оставшегося на его руках имущества от его прежней жизни; во всех же практических делах старается входить в добровольные кооперации, упрощает свою жизнь и уменьшает свои потребности до *minimum*'а, не нарушающего лишь его здоровой физической и духовной деятельности.

Наконец, в области нравственной, представители того и другого учения стараются в жизни своей сохранить свободу личности, своей и других людей, и создают круг любовно-разумных отношений с людьми, стараясь выработать из себя производителя всякого рода полезностей.

Одним словом, последователи того и другого учения не ждут эволюций экономических, исторических и политических законов, которые должны реформировать мир, а начинают с самих себя эту реформу на свой страх и риск.

* * *

Но зло существует, и положительная деятельность добра встречает в нем часто непреодолимые препятствия. И вот по отношению к борьбе с этими препятствиями два учения, сравниваемые нами, в значительной степени различаются. И различие это не случайное, а вытекающее из некоторых принципов, соответствующих им мирозерцаний.

Анархизм, в общеупотребительном значении этого слова, опирается на материалистическое мировоззрение. «Толстовство» — на мирозерцание идеалистическое.

Сущность материалистического воззрения, на которое опирается анархизм, есть не совсем последовательный детерминизм, т. е. отрицание свободной воли, без отрицания свободной инициативы. С другой стороны, основанием его служит биологическая теория о том, что благо жизни дается гармоническим удовлетворением всех потребностей организма.

Идеалистическое мировоззрение, служащее основанием «толстовства», выраженное вкратце, резюмируется так: жизнь внешнего мира, в том числе и меня как объекта, есть проявление разумной идеи, существующей самой по себе и выражающейся, как в различных проявлениях душевной деятельности, так и во внешних формах и действиях, служащих обозначением соответствующих им идей.

Представим себе, что на пути своей положительной деятельности анархист, как первой, так и второй группы, встречает непреодолимое препятствие, как, например, жандарма, арестовывающего его, ссылающего, запирающего или казнящего, вообще выводящего его из рядов деятелей.

Каково должно быть поведение того и другого?

Деятельность анархиста нехристианского в этот момент, если не совсем прекращается (например, в случае смертной казни),

то останавливается или значительно замедляется. Кроме того, деятельность анархиста меняет, так сказать, способ и цель борьбы: вместо отдаленной идеальной цели, он ставит себе цель близкую, реальную, — преодоление встретившихся препятствий, и для этого берет в руки оружие, которое сам отрицает, но которое видит в руках врага своего: насилие и ложь. И этим он совершает ужасный компромисс, губящий все дело, которому он с таким героизмом служил.

Но ему нельзя поступить иначе, потому что он опасается, что встречаемое препятствие прекратит его деятельность и ему надо, если уж не спасти себя, то, по крайней мере, дорого продать отнимаемую у него жизнь.

Когда те же препятствия в жизни встречаются и христианского анархиста, они не должны ни на минуту ни поколебать направление его деятельности, ни нарушить высоту его принципов.

На являющееся перед ним препятствие, в виде, например, жандарма со всеми его последствиями, он смотрит, как на сконцентрированный образчик того зла, на уничтожение которого направлена его жизнь, и потому он старается собрать все силы свои, чтобы противостоять ему, и на насилие ответить любовью и против лжи выставить правду. Чем больше ограничивается он в своих внешних действиях, тем с большей силой начинает работать его внутренняя природа, и если его физическому организму наступает конец в виде, например, смертной казни, то его духовная природа достигает в этот момент своей наибольшей силы и влияния.

Итак, в этом своем отношении к препятствиям, стоящим на пути к осуществлению той или другой идеи, я вижу существенную разницу.

Разница эта в том, что когда анархист погибает в героической борьбе, — или физически, под давлением неизбежных препятствий, или нравственно, под давлением неизбежных в его борьбе компромиссов, — тогда христианский анархист оживает, сбрасывая свою личную, эгоистическую оболочку, и расцветает к новой вечной идейной борьбе, ведущей его, несомненно, по пути прогресса к общему благу.

Если я решился избрать эту тему, ответив на ваше любезное приглашение, то это потому, что я хотел сообщить вам мое мнение о самом дорогом для меня предмете, так как я ничего не знаю более высокого и нужного людям, как эти два учения. Я бы ис-

кренно желал идти рука об руку с моими братьями-анархистами и с удовольствием и благодарностью готов учиться у них и заимствовать их геройство и силу характера, так часто нехватаящих нам, и с радостью предложил бы им в обмен большую чистоту принципов и силу веры, так часто их оставляющую.

